

Е.А. Богданова

СОВЕТКИЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ИЛИ «В ОЖИДАНИИ ЗАБОТЫ»

В статье рассматривается проблема дискурсивного производства правил правовых отношений в условиях советского общества. Классическая либеральная теория представляет основания для того, чтобы считать советское общество неправовым. Возникает вопрос: если не право, то что, в условиях советского общества, регулировало правовые отношения? Адаптация категории права к советской реальности показывает, что регулирующую функцию в советском обществе выполняла официальная идеология. Типичная модель правовых отношений выстраивается по вертикали и необходимо включает основания иерархии и власти. Центральной идеологической категорией, маркирующей отношения между «старшим» и «младшим», «сильным» и «слабым» является категория заботы. На основании анализа смыслов данной категории и порядка употребления ее в контексте идеологических текстов реконструируются официальные правила осуществления правовых отношений в условиях советского общества. Особое внимание уделяется позднесоветскому периоду конца 1950-х – середине 1980-х гг., непосредственно предшествовавшему реформам.

Введение

В последние годы в России проводится реформа правовой сферы. По мнению одних исследователей, либеральная традиция в российском обществе сдерживалась предшествующим современному советским режимом и сейчас, наконец получила импульс к развитию. По мнению других, в России впервые предпринимается попытка заложить основы либерального порядка. Подтвердить или опровергнуть существование предпосылок для успешного становления правового общества в условиях постсоветской России исследователи пытаются, привлекая конкретные примеры социальных явлений из советской истории. Спорным, при этом, остается не только интерпретация

тех или иных эпизодов социальной жизни, но и само понимание и существование права в контексте советского общества.

Согласно многочисленным исследованиям (Воронина 1998; Соломон 1997 и пр.), существуя номинально, право в советском обществе не выполняло своей классической функции регулирования социальных отношений. Российская исследовательница О. Воронина отмечает, что права были сформулированы, но, как правило, они не были известны гражданам, не были осознаны как права и не действовали так, как это было предписано законом (Воронина 1998: 76-105).

Данные выводы ставят под вопрос возможность применения классической либеральной теории, базирующейся на классическом понимании права, для объяснения советской правовой реальности. Категориальный аппарат либеральной теории не позволяет адекватно операционализировать действительные регулирующие механизмы советского общества, а специфика этических аспектов советского права остается нераспознанной и нераскрытой.

В одной из своих статей, затрагивающей проблемы права в современном правовом обществе, российский философ М. Шугуров справедливо отмечает: «Право – барометр устойчивости общественных систем. Если это место оказывается пустым, на его месте оказываются новые юрисдикции» (Шугуров 2005: 79–94). Целью написания данной статьи стало желание разобраться в том, какие именно механизмы компенсировали функцию права в регулировании социальных и правовых отношений в условиях советского – и, особенно, позднесоветского – общества. Действуя на протяжении советских десятилетий, данные механизмы успели сформировать устойчивые модели правового поведения граждан. Воспроизведение данных моделей в современных условиях влияет на процессы формирования в России правового общества. Какие роли были предписаны участникам правовых отношений, каковы правила выстраивания правовых отношений в условиях советского общества, и являются ли они, в классическом смысле, правовыми – вопросы, определившие структуру и содержание статьи. Первым шагом для ответа на них является адаптация категории права к советской реальности.

Классическое понимание права и советский опыт

Для того, чтобы адаптировать категорию классического права к советской реальности, необходимо выделить основные характеристики и функции его в условиях правового общества.

Как уже было сказано выше, в правовом обществе право представляет собой центральный нормативный регулятор общественной жизни. Закрепленное законом право, во-первых, определяет строгие правила игры внутри социума, а, во-вторых, предъявляет некие общие, разделенные членами данного социума, начала. Воспользовавшись определением исходного тезиса теории правового порядка И. Канта, можно заключить: «только в праве возможно соединение целей всех». Право в правовом обществе, таким об-

разом, являет принятие позиции единообразного толкования и исполнения законов. При таком понимании, метафоричность, отход от буквального, собственного, прямого смысла, недопустимы для права.

Важнейшим условием существования права как основы общественного существования является субъективность, в качестве одной из сторон которой выделяется субъектность, понимаемая как активное и ответственное начало бытия в нормативно устроенном обществе (Шугуров 2005: 81). Европейской цивилизации свойственна предельно высокая оценка правового плана бытия субъективности, где субъектность приравнивается к правовой идентичности. Субъектность предстает в концентрированном виде в праве (Там же).

Классическое право апеллирует к некоей нормативной субъектности, обладавшей стабильной идентичностью, вмняемой, самоотчетной, рефлексивной и ориентированной на право. Как таковая, нормативная субъектность соизмеряет свое поведение с правом, контролирует себя, предусматривает и прогнозирует результаты своей деятельности (Там же: 82).

Таким образом, в условиях правового общества право объективное – писаное, зафиксированное документально, и право субъективно осознанное и воспринятое гражданами близки, если не идентичны. Гражданин, как обладатель субъектности, является осознанным потребителем права и, одновременно, его со-автором. Будучи разделенным всеми членами общества, право является центральной силой, регулирующей действия отдельного гражданина и все многообразие взаимодействий граждан.

Исследователи проблем правовых отношений в условиях советского общества делают акцент на неравенстве сторон граждан и государства в правовой практике (Воронина 1988: 78). «Государство выступало гарантом и дарителем прав отдельного человека. Государство само решало какие права оно дарует гражданам, какие соблюдает, а за какие наказывает» (Там же).

В условиях советского общества писаное право и право, осознанное гражданами, представляют собой два разных дискурса. Дискурс писаного права в советском обществе не является всеобщим, разделенным знанием. В работе социолога О. Ворониной подчеркивается то, что в 1970-х – 1980-х гг. советским правительством был подписан ряд международных правовых документов – как, например, Всеобщая декларация прав человека, Билль о правах человека и пр. Однако, такие документы не публиковались в широкой печати и не соблюдались на практике, вследствие чего были неизвестны ни государственным чиновникам, ни населению (Там же).

Презентация формальных норм и правил социальных отношений осуществлялась в условиях советского общества посредством идеологии. Выходившие широкими тиражами пособия агитационно-пропагандистской литературы, содержащие инструкции и распоряжения Партии и правительства, были легкодоступны и являли собой кодекс социалистического общественного порядка. В рамках идеологического дискурса были сформулированы права и обязанности советских граждан. Они могли совпадать или не совпадать с теми, что зафиксированы законодательно. Они могли проговаривать-

ся прямо или следовать из каких-то непререкаемых социалистических постулатов.

Узурпируя право на авторство правовых отношений, государство монополизировало функции эксперта в определении «правового» и «неправового», а также, роль защитника социальной справедливости. Советские граждане не имели возможности участвовать в создании права и были вынуждены ориентироваться в правовых условиях, созданных государством. Соответственно, для решению любых правовых проблем необходимо было обращение к представителям власти. Неслучайно, единственной официальной возможностью отстаивать интересы граждан на протяжении всей советской истории оставалась подача разного рода обращений, жалоб и заявлений в органы власти. Говоря о правовых отношениях в советском обществе, стоит говорить, в первую очередь, об отношениях между гражданами и государственной властью.

Таким образом, действительные нормы, регулирующие правовые отношения в советском обществе, неочевидны. Они не следуют из официально закрепленных законодательных документов. Основным источником, транслирующим правовые нормы, является официальная идеология. За отсутствием единого источника, представляющего свод норм и правил правовых отношений, для их реконструкции необходим анализ общих тезисов официальной советской идеологии. С этой целью было проанализировано порядка 60 единиц идеологических изданий, транслирующих правила социалистических общественных отношений (в частности, и правовых), изданных, преимущественно, в период конца 1950-х – начала 1980-х гг. (см. литературу в конце статьи). По содержанию источники эмпирического материала представляют собой агитационно-пропагандистские пособия, издававшиеся в различных точках страны. Центральной идеологической категорией, определявшей характер и правила взаимоотношений между гражданами и государством, выделенной в ходе исследования текстов стала категория «забота». Исследование способов репрезентации, интерпретации, порядка употребления категории «забота» в дискурсе советской официальной идеологии позволило выделить основную модель и специфические правила правовых отношений советского общества.

«Забота» в советской идеологии

Первоначально идея о том, что коммунистическая идеология рассматривает отношения между государством и советскими гражданами сквозь призму понятия «забота», была высказана политологами (Михайловская 1997). Попытка определить сферу властных отношений одной категорией исходит из специфики самих отношений, и из той роли, которую играли слова в советском официальном дискурсе.

Советская идеология, воплощенная в текстах, имеет свой стиль и вокабуляр. Более того, стиль и слова делают советскую идеологию советской идеологией. Слова идеологии выражают политические интенции режима, ха-

ракетерные для советского социального порядка оттенки. Слова в советском дискурсе маркируют культурный код, стиль жизни, а равно и политическую позицию, степень лояльности и пр. Удачно определил специфику советского режима А. Блум, отметив в своей работе, что «В стране воцаряется не столько даже «идеократия» - власть идей, сколько «логократия» - власть слов» (Блум 1994). Советская власть, упразднив частную собственность и гражданское поприще – уже не силой традиции, а просто силой, - по сути декретировало слово как единственный способ существования (Вайль, Генис 1998).

Анализ материала показал, что «забота» в том или ином смысле сохранила позицию активно эксплуатируемой категории советского официального дискурса практически на всем протяжении существования советского общества. Более того, «забота» приобрела статус важной идеологической составляющей, категории политического языка. И. Сандомирская в своей «Книге о Родине» называет таковыми слова официального советского дискурса, позволяющие толковать политические иерархии (Сандомирская 2001 : 211).

Перемещение на позицию центральной категории, определяющей характер общественных отношений в советском обществе, происходит по мере смягчения и «гуманизации» политического режима. К началу 60-х гг. «забота» превращается в официальное код-правило взаимоотношений внутри советского общества, выражая логику социалистического патернализма. Наряду с правилами общих социальных, категория заботы определяет также нормы правовых отношений, Показательными в этом смысле являются тексты главных регулирующих нормативных государственных документов – советских Конституций. Так, если в Конституции 1936 г. категория «забота» не встречается ни разу, то в Конституции 1977 г. государственная концепция общественных отношений выражена следующим образом: «Советское общество – это общество, законом которого является *забота* всех о благе каждого и *забота* каждого о благе всех» (Конституция СССР 1977).

Согласно материалам агитационно-пропагандистской литературы, с конца 50-х гг. объектом заботы становится практически все и все. Если до второй половины 50-х лет «забота» была, преимущественно, категорией определяющей социальную политику в отношении маргинальных, нуждающихся в помощи групп: инвалидов, сирот, престарелых, то с середины 50-х забота обращается на все слои общества, все социальные, профессиональные, возрастные группы. Дискурс «заботы» распространяется на различные аспекты социальной жизни. В тексте Конституции 1977 г. категория «забота» встречается 12 раз, определяя характер и правила отношений между разнообразными объектами и субъектами: «Трудовые коллективы..., заботятся о повышении их [членов коллектива – Е.Б.] политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации» (Конституция 1977: Ст. 8). «Государство заботится об улучшении условий и охране труда...» (Там же: Ст. 21); «Это право гарантируется... заботой о престарелых гражданах и об инвалидах; другими формами социального обеспечения» (Там же: Ст. 43) . В статье речь идет о праве на материальное обеспечение в старости, в случае болезни.

Многообразие социальных отношений осмысливается и представляется в официальной идеологии посредством категории заботы. Будучи привычной категорией, обозначающей отношения социальной политики, в поздние советские годы «забота» становится центральным кодом, определяющим характер социальных отношений советского общества.

На основе анализа эмпирического материала и справочной литературы удалось выделить три группы смыслов категории «забота»: «забота» как эмоциональное переживание (забота - тревога, волнение); «забота» как деятельность (забота - дело, задача); «забота» как определение деятельности с конкретной целью управления (надзор, контроль). Очевидно, что выделенные группы имеют точки соприкосновения и общие аспекты. Так, забота как деятельность подразумевает дело, выполнение (или невыполнение) которого сопровождается эмоциональным переживанием. Так же, впрочем, как опека, контроль, выраженные посредством категории «забота». Диапазон смыслов категории «забота» чрезвычайно широк, что позволяет использовать ее для обозначения разнообразных видов социальных отношений – от частных, частных, семейных, до политических.

В русском языке «забота» является важнейшей составляющей категорий «родительский инстинкт» (Инстинкт родительский 1953: 217), «родительские права и обязанности» (Родительские права и обязанности 1953: 600). В контексте патерналистской идеологии политизация категории оказалась вполне естественной. В категории «забота» изначально заложено позиционирование субъекта и объекта в отношениях зависимости и власти. При этом, отношения, определяемые данной категорией, сохраняют оттенок снисходительной приватности. «Гибкость» смыслов категории наложила свой отпечаток на характер обозначаемых ею отношений власти и зависимостей в официальном дискурсе. В частности, на два центральных принципа социалистических общественных отношений.

Принцип гуманности определил достоинства социалистического общества, уникальные в пространстве и во времени. Идеологические пособия изобилуют высказываниями, подобными следующему: *«Только в социалистическом обществе женщина–мать окружена вниманием и заботой»* (Забота советского государства 1949). Противопоставление капиталистического и социалистического строев обосновывалось во многом разной степенью гуманизированности общественных отношений: если в капиталистических странах «человек человеку волк», то в социалистических «человек человеку – Друг, товарищ и брат»*.

Согласно идеологическим текстам, «забота» - это то, что появилось в обществе с приходом советской власти: *«Трудное было время. Разрушенное хозяйство, более четырех миллионов инвалидов, тысячи беспризорных и нищих получила в наследство Советская Республика. Обо всех надо было позаботиться»* (Забота – государственная 1987). Согласно идеологическому дискурсу, укрепление социализма привнесло в жизнь граждан ощущение защищенности, которого не было в дореволюционном обществе. Это позволяют проиллюстриро-

* Слова из Программы КПСС, принятой XXII Съездом Коммунистической партии — один из принципов морального кодекса строителей коммунизма

вать строки из советских пропагандистских изданий и опубликованных в них интервью: «Заработанные деньги на черный день не откладываю. Уверена, что наше государство и родные дети в беде меня не оставят» (Там же: 20). Никакой заботы об охране труда горняков на шахтах того времени (царской России – Л.Б.) не было (Забота партии и правительства о шахтерах 1952)

Принципы патернализма. Устойчивость этакратической модели взаимоотношений граждан и государства была возможна, в большой степени, благодаря тому, что государство гарантировало гражданам определенный минимум средств существования. Российский исследователь В. Радаев уточняет данный тезис, рассуждая о том, что в условиях социалистического общественного устройства «Нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих» (Радаев 1991: 138).

Советский правовой порядок презентуется в идеологии как уникальный, организованный по особым правилам. В качестве доминирующей модели правовых отношений декларируется модель властно-гражданских отношений, осуществление которой предполагает ряд условностей.

Определяя модель иерархических отношений, категория «забота» упрощает их и генерализирует. Согласно данной модели, основным агентом, осуществляющим заботу, является государство. Основным же агентом, проявление заботы о котором входит в нормы социалистического общества, является гражданин советского государства. В соответствии с этой моделью предписаны роли сильного, компетентного, «старшего» государства, и слабого, некомпетентного, «младшего» гражданина. В рамках идеологического дискурса советское государство выступает добрым, снисходительным покровителем, который обещает заботиться о своих подданных, оберегая их от возникновения правовых проблем. Исполнение предписанных ролей обеими сторонами взаимодействия являлось важным условием устойчивости системы правовых отношений советского общества. Обозначая отношения власти категорией «забота», официальный дискурс реализует смысл «заботы» как опеки, тревоги государства за своих граждан.

Приобретая статус категории политического языка, забота определяет особенности и оттенки модели правовых отношений, декларируемой советской идеологией. Правовые отношения выстраиваются по вертикали. В рамках модели выделяются объект и субъект заботы, связанные отношениями зависимости. Многообразие смыслов категории «забота» наделяют модель правовых отношений, ею определяемых, характерными чертами как политической, так и частной сфер взаимоотношений. Отношения власти, возникающие между гражданами и представителями власти по поводу решения правовых проблем, дополняются основаниями моральности и эмоциональности и, как следствие, выводятся из дискурса политического.

Особенности советской «заботы»

Анализ порядка и контекста употребления категории «забота» в рамках идеологического дискурса, позволили определить критерии и нормы правовых отношений в условиях советского общества.

В официальном дискурсе «забота» возведена в ранг «обязанности», или «закона». Если вновь обратиться к Конституции, можно отметить, что составляющие общественной концепции советской законности выражаются следующим образом: *«Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей - долг и обязанность граждан СССР»* (Конституция 1977: Ст. 68). Другие примеры из агитационно-пропагандистских брошюр: *«Забота о человеке - закон нашей жизни»* (Забота о человеке 1968: 50). *«Все руководители обязаны предоставлять людям, утратившим частично трудоспособность, усиленную заботу»* (Забота – государственная 1987: 41).

Советская «забота» тотальна в том смысле, что императив советской «заботы» конструируется в идеологии как «всеобъемлющей», «всепроникающей», «непрерывной». Согласно идеологическому дискурсу забота «неотступна», «постоянна», «вечна». Таким образом создается впечатление того, что о каждой сфере жизнедеятельности, о каждой социальной группе, даже о каждом отдельном индивидуе постоянно заботились.

О заботе государства не возможно было забыть. О ней советским гражданам постоянно напоминали: когда человек отправлялся вечером в собственную постель, когда спешил утром на работу, отводил и забирал ребенка из детского сада. Каждое из этих действий сопровождалось негласным напоминанием: мирное небо над головой, рабочее место, детский сад, ясли, школа – все это результаты заботы государства о своих гражданах. Все, что имели и получали граждане, было субсидиями государства, выданными под этикеткой заботы.

Маска заботы позволяла проникать в частную жизнь людей. *«Родился новый человек. Он еще ничего не требует, но и он, и его мать уже окружены заботой... Растет молодой гражданин Советской Белоруссии, становится взрослым, начинает работать. Но и теперь заботу государства о себе он ощущает постоянно... Вот подошли пенсионные годы, но советское государство не покидает человека, неослабно заботится о нем»* (Там же: 61). Смысл категории «забота» здесь вычитывается скорее из контекста. Подобное «неусыпное бдение» под названием «забота», подобно фукианскому паноптикуму (Фуко 1999), создавало впечатление непрерывного контроля и реализовывало смысл заботы как контроля и надзора.

Категория «заботы» определяет самые общие правила правовых отношений советского общества. Права и обязанности граждан оказываются зависимы от субъективных критериев «заботы», устанавливаемых государством. Формализация такие аспектов «заботы», как ее направленность, форма, размер, эквивалент определяют попытки выделить некие критерии.

Согласно советским идеологическим текстам, на «заботу» существовала норма. «Забота» могла исчисляться в рублях. Зачастую размер заботы был эквивалентен размеру пенсии, пособия, цене подарка. Забота могла быть расписана в свод правил, например того, как надо заботиться пионерам об октябрятах: *«Быть примерным, следить за своей манерой поведения; – Использовать голос как орудие воспитания – не кричать; – Внушать»*

уверенность в себе; – Не сравнивать одного с другим; – Давать указания в утвердительной форме и т.д.» («Забота у нас такая» 1973: 20). Однако рублевый эквивалент, определенные правила заботы вносят относительную ясности в регулируемые «заботой» правовые отношения.

«Забота» небезвозмездна. Забота со стороны «верхов» должна встречать благодарность со стороны «низов» - такова главная, осевая формула патерналистского устройства общества и социальной личности Советский простой человек 1993: 16). Часто на заботу действительно отвечали: «Книга отзывов и предложений комнаты матери и ребенка полна благодарностей: каждому побывавшему здесь хочется поблагодарить за заботу, которая проявляется в нашей стране о детях» (Забота о главном 1958: 19) . Форма выражения благодарности могла быть разной: от слов, до совершения трудового подвига и пр. Размер благодарности часто не был определен, так же как, и размер «заботы». Это способствовало возникновению у граждан комплекса «неоплатного долга» перед государством, родителями, учителями, коллективом, партией: то есть, всеми, кто заботился.

В рамках официальной советской идеологии осуществляется попытка определить не только модель правовых отношений, но также нормы и критерии правовых отношений. В рамках официальной идеологии формулируются некоторые правила, регулирующие общественные отношения между социальными группами и отдельными гражданами. Вместе с тем, опубликованные в разнообразных идеологических изданиях, эти правила остаются несистематичны и неуниверсальны.

Между тем, порядок употребления категории забота в идеологических текстах позволяет поддерживать в позднем советском обществе определенный правовой порядок. Репрезентация заботы государства о гражданах как постоянной и всеобъемлющей, выполняет функцию поддержания внутренней дисциплины социалистического общества. В ответ на государственную заботу от граждан ожидается социальная дисциплинированность, то есть, соблюдение прав других граждан. Соответственно, идеология выстраивает образ идеального правового порядка, агенты которого не нарушают социальный порядок в силу собственной сознательности и послушания. Основаниями для подобного поведения граждан должна быть их благодарность за усилия государства, прилагаемые к обеспечению безопасности и благополучия советских граждан. В официальных текстах речь почти никогда не идет о нарушенных правах. Речь может идти об «отдельных недостатках», которые, как правило, представляются как «вопиющие случаи». Определение четких критериев и нормы правовых отношений в условиях такой идеальной правовой ситуации, оказывается, как бы, лишним и ненужным.

В качестве первой особенности советской заботы можно выделить то, что субъект и объект заботы всегда четко определены. Согласно идеологическим представлениям, субъект всегда сильнее и выше в структуре социальной иерархической. Уже говорилось о том, что посредством «заботы» в советском дискурсе определяется огромное количество разнообразных видов общественных взаимоотношений. Субъект и объект при этом могли меняться ролями, создавать разнообразные комбинации. Подобное употребление ка-

тегории формирует «плавающие» иерархии, воспроизводящие многообразие иерархических структур, в которые был включен советский гражданин: «Мать заботится о детях», «Государство заботится о матери», «Октябрята заботятся об окружающей среде». «Пионеры заботятся об октябрятах», «Профсоюз заботится о рабочих», «Партия заботится о пенсионерах», «Коллектив заботится о развитии своих членов». Производство многочисленных связей взаимной заботы граждан друг о друге, в конечном итоге, выполняет функцию дополнительного социального контроля и самоконтроля.

Другая особенность советской заботы следует из предыдущей: субъект и объект заботы в официальном советском дискурсе, в подавляющем большинстве случаев, не совпадают. «Коммунистическая Партия, Советское правительство, вся наша страна неустанно заботится о здоровье школьников» (Забота семьи 1975: 20). Или: «Наша медицина заботится о здоровье советских граждан» (Забота о благе народа 1964: 14). Если вернуться к смыслам категории «забота», то очевидно, что подобное распределение ролей и выделение объекта и субъекта заботы заложено в одной из интерпретаций смыслов (забота как попечение о ком-либо).

Из наблюдений, отмеченных в ходе анализа эмпирического материала, можно сделать следующие выводы: во-первых проявление заботы о ком-либо или о чем-либо является важнейшим морально-этическим правилом советских общественных отношений. Выполнение этого правила поощряется, а невыполнение строго наказывается как серьезный моральный проступок. Изобилие цитат, извлеченных из материалов для агитационной и пропагандистской работы, свидетельствует о том, что идеологи прикладывали немалые усилия для того, чтобы донести данный тезис до граждан. В результате, ожидание заботы как постороннего вмешательства в решение частных проблем, стало не ожиданием желаемого, но ожиданием непременно должного.

Во-вторых, правилами советских общественных отношений допускается проявление заботы обо всех и обо всем кроме самого себя и своих личных проблем. Другими словами, советский гражданин не может не проявлять заботу по отношению к другим, но не может проявлять заботу по отношению к себе. Что касается личных проблем, то допускается испросить заботы о себе, обратив, таким образом, внимание «старших» на свою проблему, как, например, в следующем случае: «Мы, работники комнаты матери и ребенка, считаем, что дирекция ГУМа должна позаботиться о расширении нашего помещения» (Забота о главном 1958: 19).

Следствием такого правила стало то, что можно назвать отчуждением проблемы. В ситуации, когда главным субъектом права становится государства, решение частных проблем перестает быть сферой компетенции граждан. Подобная специфика восприятия и способов решения частных, в том числе, и правовых проблем граждан советского общества кажется еще более отчетливой на фоне императивов западного общества: «это моя проблема» и «это не моя проблема». Проблемы, затрагивающие частные интересы человека западного общества четко ограничены от всех других, и определены как бесспорно доминирующие. Императивом советского общества,

наоборот, является противоположная конструкция «Это наша общая проблема»: *«Очищение нашего общества от врагов, хулиганов, взяточников, мошенников - это дело всех и каждого, это наша общая забота»* (Забота общая 1984: 27) Заботиться о проблеме – значит включаться в решение проблемы. Возникает естественный вопрос: если кто-то берет на себя ваши проблемы, то зачем вам уметь их решать?

Заключение

Классические основания не позволяют считать советское общество правовым. Правовые отношения в советском обществе существуют вне привычной для правового общества сферы объективного права. Советское общество представляет пример уникального по своей природе правового порядка, центральная функция социальной регуляции в котором принадлежит официальной советской идеологии.

Категория «забота» рассмотрена в статье как центральная идеологическая составляющая, определяющая модель правовых отношений, их нормы и правила. Правильно было бы оценить удачный выбор категории автором идеологического дискурса – государством. Уникальность состоит в широком наборе смыслов категории, способных обозначать широкий спектр социальных отношений от политических до частных, частных. Отчасти, благодаря семантической «гибкости» категории, советской системе паровых отношений удалось сохранить устойчивость на протяжении десятилетий.

Доминирующая модель советских правовых отношений вертикальна, существует в сфере властно-гражданских взаимоотношений. Отношения между агентами в рамках данной модели строятся на основаниях отношений власти и зависимости. В рамках такой модели участникам предписаны роли: сильного, могущественного, старшего государства, и слабого, некомпетентного гражданина. Данные роли условны, однако, именно они задают жесткие правила игры, позволяющие реализовывать правовые интересы как гражданам, так государству в условиях советского общества.

В рамках официальной идеологии создается сложная система регулирования социальных отношений, при которой свобода ограничивается субъектом заботы. Если в правовом обществе, базирующемся на гражданской субъектности, субъектом заботы является сам гражданин, то в советской системе роль субъекта на себя берет государство, гражданину же отводится роль объекта государственной заботы.

Являясь автором идеологии, государство является также автором советского дизайна правовых отношений. Объем прав граждан, в рамках этого дизайна определяется государством. Предпочтительной, при этом, оказывается социальная ситуация, при которой объем прав граждан, минимален.

Сфера правовых отношений встроена в систему социальных отношений, объединена с ней общими принципами и общим языком. Формулировки, определяющие порядок правовых отношений и критерии социальной справедливо-

сти, выделяемые в рамках официального идеологического дискурса, неоднозначны, неуниверсальны и сохраняют пространства для вариантов интерпретаций. Наиболее устойчивыми основаниями, регулируемыми правовые отношения в советском обществе оказываются общие правила социалистических общественных отношений, сформулированные в той же идеологии.

Подобные условия осуществления правовых отношений позволяют государству сохранить позицию эксперта в области определения критериев правового и неправового, справедливого и несправедливого. Решение, и даже определение правовой проблемы гражданином без привлечения агента власти в таких условиях оказывается невозможно. Для решения каждой конкретной проблемы необходима коммуникация гражданина с государством, функцию обслуживания которой в советские годы выполнял громоздкий институт жалоб и обращений. Институционализация подобного механизма поддерживала воспроизводство основных ролей, предписанных советской моделью правовых отношений. Необходимость обращения к власти, и получения от власти подтверждения правового характера проблемы, на протяжении десятилетий формировала специфические гражданские практики, и препятствовала развитию навыков самостоятельного распознавания и решения правовых проблем.

Определение правовых отношений через категорию «забота» позволило сконструировать в рамках идеологического дискурса фасад гуманного правового общества с идеальной правовой ситуацией. При этом, были реализованы интересы автора властного дискурса – государства. На протяжении всего существования советского общества сохранялась ярко выраженная асимметрия в распределении прав между гражданами и государством. Обильные обещания государства заботиться о своих гражданах выступали своеобразными бонусами, позволявшими, уравновесить существующую асимметрию в распределении прав между гражданами и государством и сохранить систему в состоянии относительной стабильности.

Множественность смыслов категории «забота» позволила, с одной стороны, создать образ благодетельного государства, а с другой, создать дополнительные механизмы власти, замкнутого на иррациональные представления о совести, чести, морали, справедливости. За внешней мягкостью, неформальностью отношений, определяемых категорией «забота» скрывается функция тотального общественного контроля, осуществляемого как государством, так и самими гражданами.

Литература

Блюм А. За кулисами министерства правды. СПб.: «Академический проект», 1994.

Вайль П., Генис А. 60-е мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Волков В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации. // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном мире / Общ. ред. Т.И. Заславской. М.: ТОО «Остожье», 1997.

Воронина О. Представления жителей Рыбинска о правах человека // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания в 2-х тт. Т. 2. М.: МФФ, МЦГИ, 1998.

Гамильтон Н.М. Забота о качестве - долг каждого Л.: Лениздат, 1961.

Забота // Краткий хорватско-русский словарь. U Zagrebu: Isak Dionicke Tiskare, 1894.

Забота // Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.

Забота // Словарь русского языка в 2-х тт. Т.1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.

Забота // Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка в 3-х тт. Т.1. Ч.2.М.: Книга, 1989.

Забота // Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х тт. Т. 1. М.: «Русский язык», 1994.

Забота общая (Библиотечка «На страже закона»). Л.: Лениздат, 1984.

Забота – государственная / Авт. текста Г.В. Филончик. Минск: Беларусь, 1987.

Забота о главном (Из опыта культурно-воспитательной работы профсоюзной организации Старо-Краматорского машиностроительного завода им. Орджоникидзе). Сталино, 1958.

Забота города и села. Об участии трудящихся Харьковщины в осуществлении прод. программы / Отв. редактор В.М. Тищенко. Харьков: «Прапор», 1989.

Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния - требование морального кодекса строителя коммунизма Уфа: Мин-во охраны общественного порядка БАССР, 1965.

Забота о покупателе. М.: Гос. издательство торговой литературы, 1956.

Забота о человеке - закон нашей жизни (1960) Краснодар: Крайисполком, 1960.

Забота об укреплении материальной базы. О строительстве новых учреждений культуры в Исаклинской районе Куйбышев: Метод. кабинет культпросветработы Куйбышевского облисполкома [в помощь сельскому клубному работнику], 1955.

Забота партии и правительства о шахтерах / Сост. И. Иваненко. Сталино: Сталинское обл. издательство, 1952.

Забота Партии об учителе. Методические рекомендации по истории КПСС для студентов I – II курсов. Л.: ЛГПИ, 1983.

Забота профсоюзов о здоровье трудящихся. М.: Профиздат, 1983

Забота семьи о воспитании навыков охраны здоровья у школьников. Памятка для родителей (учащихся первого класса). Симферополь, 1975.

Забота силу дарит (Отдел соцобеспечения Николаев. облисполкома). Николаев: Облполиграфиздат, 1985.

Забота советского государства о матерях и детях (1949) Киев: Киевск. обл. тип., 1949.

«Забота у нас такая». М.: Моск. Гор. Дворец пионеров и школьников, 1973.

Инстинкт родительский // Большая советская энциклопедия. В 51 тт. Т. 6. М.: Большая советская энциклопедия, 1953.

Конституция СССР 1936 г.

Конституция СССР 1977 г.

Конституция России 1993 г.

Михайловская И. Концепция прав человека и их значение для посткоммунистической России // Российский бюллетень по правам человека. Выпуск 9. М.: Институт прав человека, 1997. (<http://www.hrights.ru/text/b9/Chapter5.htm>)

Мустафакулов М. Забота о развитии сферы услуг - дело особой важности. — Душанбе: о-во «Знание» ТаджССР, 1984.

Радаев В. Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж. 1991. № 1 .

Родительские права и обязанности // Большая советская энциклопедия. — М.: Большая советская энциклопедия. В 51 тт. Т. 9. 1953.

Сандомирская И. Книга о Родине. Wien: Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 50, 2001.

Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю. Левада. М: Мировой океан, 1993.

Соломон П. Проблемы развития правового строя в постсоветской России. М.: Центр конституционных исследования Московского общественного научного фонда, 1997.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Шугуров М. Правовая субъектность и инверсии современной культуры // ОНС. 2005. № 1.

Яковлев А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // ОНС. 2002. № 5.

Weber M. Economy and Society. Vol 2. Berkeley: University of California Press, 1978.